

Генрих Али Баба

КАРТА, КОТОРАЯ ЖДЁТ ШАГОВ

Генрих Баба
**КАРТА, КОТОРАЯ
ЖДЁТ ШАГОВ**

<https://litres.ru/74451082>

SelfPub; 2026

Аннотация

Философская фантастика о том, что свобода — это не отсутствие боли, а возможность выбора, как ее прожить.

Содержание

КАРТА, КОТОРАЯ ЖДЁТ ШАГОВ	4
ПРОЛОГ: Рукопись без имени	6
Глава I	8
Архив, где заканчиваются карты	8
ГЛАВА II	16
Дорога, которой не было: Искусство исчезновения	16
ГЛАВА III	23
Перевозчик через высохшую реку: География смыслов	23
ГЛАВА IV	30
Холмы исчезающих звуков: Хранительница эха	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Генрих Апи Баба КАРТА, КОТОРАЯ ЖДЁТ ШАГОВ

КАРТА, КОТОРАЯ ЖДЁТ ШАГОВ Предисловие издателя

(Извлечено из единственного уцелевшего экземпляра первого печатного издания)

Эта рукопись пришла к нам так, как приходят забытые воспоминания: без имени автора, без даты на титульном листе и без географических координат места её рождения.

Её обнаружили почти случайно, в пыльных недрах старого архива, в секции «Дорожных записей и неопознанных фрагментов». Она покоилась среди карт, которые не совпадали ни с одной известной местностью Земли — береговые линии там изгибались вопреки законам тектоники, а созвездия над нарисованными горами принадлежали иному небу. Листки были разрознены, края их изъедены временем и солью, а чернила местами выцвели до прозрачности.

Странность заключалась в другом: некоторые строки повторялись на разных страницах с пугающей точностью, а фи-

налы глав в разных копиях противоречили друг другу. Казалось, текст не был завершён однажды — он продолжал меняться, дышать и перестраиваться вместе с каждым, кто касался его пером или взглядом.

Сначала учёные мужи сочли рукопись витиеватой философской притчей. Позже её называли «Мифом о Вечной Дороге». Ещё позже — дерзким рассказом о человеке, который первым в истории отказался быть ведомым за руку слепой судьбой.

Однако, чем глубже мы погружались в работу над текстом, тем яснее становилась пугающая и прекрасная истина: это не история о мире, который *был*. Это хроника мира, который *возникает* в то самое мгновение, когда человек решает сделать первый шаг.

Исследователи спорят до хрипоты. Одни видят здесь сложную аллегорию человеческой жизни. Другие — сухую философскую хронику невозможного. Но есть и те — их немного, и они обычно молчаливы, — кто говорит, что это вовсе не книга.

Они говорят, что это **Карта, записанная словами**.

Мы не знаем, кто из них прав. Но мы твердо уверены в одном: если вы, закрыв последнюю страницу, почувствуете непреодолимое желание встать и выйти за порог — значит, эта рукопись нашла вас не случайно.

И значит, ваш путь только что начался.

Издатель (без имени, без даты, без сожалений)

ПРОЛОГ: Рукопись без имени

Эту историю не написали — её нашли.

Она таилась среди пожелтевших дорожных записей, затерянная в ворохе путевых листов и отчетов о забытых экспедициях. Никто не знает имени того, кто первым вывел эти строки. В тексте нет автора, потому что автором здесь является само Движение. Каждая копия этой рукописи, найденная в разных уголках света, заканчивается по-разному. Словно сам Путь, капризный и живой, переписывает финал вместе с каждым новым читателем.

Говорят, самые первые строки были начертаны на обороте древней карты, которая окончательно перестала показывать дорогу. Когда ориентиры исчезли, а звезды погасли, автору не осталось ничего другого, кроме как начать писать саму реальность.

И начиналась эта история не с описания героя, не с даты и не с места действия. Она начиналась с вопроса, который бьет прямо в сердце:

«Может ли человек идти, если он не знает, куда ведет его тропа?»

Те, кому хватило смелости читать дальше, утверждали странное: книга меняет голос.

Сначала она звучит как древнее сказание — торжественное, пахнущее кострами и пылью караванов. Затем она пре-

вращается в сухую, ледяную хронику мира, где каждый факт взвешен на весах вечности. А потом... голос становится тихим, интимным. Книга начинает звучать как ваш собственный разговор с самим собой в три часа ночи, когда маски брошены и врать больше некому.

А к самому концу слова начинают редеть. Они уступают место пространству. Они затихают, как затихает шум города за спиной путника, уходящего в горы. Буквы становятся прозрачными, давая дорогу самому Шагу.

Некоторые клянутся, что в самой последней строке этой книги нет точки. Там нет завершающего знака, нет финала, нет точки невозврата.

Потому что эта точка ставится не чернилами. Её ставит каждый, кто, дочитав последнее слово, закрывает переплет, поправляет сумку на плече и выходит из дома в рассветную мглу.

Туда, где Карта наконец-то дождалась его шагов.

Глава I

Архив, где заканчиваются карты

В архивах всегда пахло одинаково — сухой, почти сладковатой пылью, старой кожей переплётков и временем. Но это не было то бодрое время, что отсчитывает секунды на городских часах или гонит кровь по жилам. Это было время осевшее, застывшее, превратившееся в тончайший налёт на вещах. Оно не двигалось — оно наслаивалось, превращая пергаменты в свидетельства тысяч чужих жизней, которые когда-то горели, любили и страдали, а теперь стали лишь сухим шелестом под пальцами.

Арен сидел за своим привычным столом. Это был массивный кусок дуба, изрезанный шрамами от ножей для заточки перьев и пятнами чернил, оставленными поколениями картографов до него. Стол стоял у самого узкого окна, глубоко утопленного в каменную плоть стены. Свет попадал сюда неохотно и лишь к полудню, когда солнце на короткий миг заглядывало в архив, прежде чем снова скрыться за шпилями верхнего города.

Перед Ареном лежала развернутая карта. Копия копии, снятая с оригинала, который, возможно, уже давно истлел в руках какого-нибудь безумного путешественника или сгорел

в одном из бесчисленных пожаров прошлого.

Он аккуратно проводил пером вдоль поблекшей линии реки, стараясь не допустить даже мимолетной дрожи руки. Его работа требовала не просто точности — она требовала смирения. Арен знал: ошибка в карте означает гораздо больше, чем ошибка в тексте. Слово, написанное неверно, можно было исправить, зачеркнуть или перетолковать. Но дорожку — нет. Неправильно нарисованный изгиб реки мог стоить каравану месяца пути, а ложная отметка о колодце в пустыне превращалась в смертный приговор для тех, кто доверится этому пергаменту.

Он давно привык к этой благородной, но пыльной монотонности. День за днём, год за годом — те же извилистые берега, те же названия городов, выведенные каллиграфическим почерком людей, умерших задолго до его рождения. Арен знал каждую складку этого пергамента, каждую условную отметку высоты, каждую форму горного хребта. Иногда ему казалось, что эти горы и долины — лица его единственных близких друзей.

И всё же где-то глубоко внутри росло колючее чувство: он не открывает мир. Он всего лишь переписывает его. Он — эхо чужих открытий, тень людей, у которых была смелость видеть всё это вживую.

За его спиной тихо, почти виновато скрипнула тяжелая дубовая дверь.

— Ты всё ещё копируешь прошлое, Арен, — произнес

знакомый голос, дребезжащий, как старый колокол.

Арен не обернулся. Он закончил выводить изгиб дельты и только тогда положил перо на подставку. — А что ещё остаётся делать тем, кто родился слишком поздно, чтобы открывать новое? Весь мир уже расчерчен на квадраты, Хедрон. Всё, что мы можем — это следить, чтобы линии не выцветали.

Старик Хедрон, главный хранитель архива, подошёл ближе. Его шаги — шаркающие, медленные, торжественные — прозвучали в пустом зале так, будто он шел по нефу собора. Он остановился рядом и оперся о край стола узловатыми, покрытыми пятнами старости руками. Его взгляд упал на карту.

— Мир не заканчивается там, где заканчиваются наши записи, мальчик мой, — сказал он, и в его глазах блеснул странный, почти юношеский огонек. — Он заканчивается там, где люди перестают искать. Граница — это не черта на бумаге. Граница — это усталость ума.

Арен наконец поднял голову. В полумраке архива лицо Хедрона казалось высеченным из того же пергамента, который они хранили. — Люди продолжают искать, Хедрон. Просто они ищут способы быстрее проехать по уже известным дорогам. Всё найдено. Каждая скала в море имеет имя. Каждое дерево в лесу сосчитано сборщиками налогов.

Старик усмехнулся, и мириады морщин у его глаз сложились в причудливую сеть, напоминающую миниатюрные до-

рожные карты неведомых стран. — Так говорят те, кто никогда не смотрел на по-настоящему пустую карту.

Он медленно развернулся и направился к дальнему шкафу, скрытому в самой густой тени архива. Дверцы, сделанные из черного дерева, скрипнули с таким звуком, будто архив протестовал против того, что его покой нарушают. Внутри лежали свитки, сложенные плотными, как чешуя дракона, рядами. Многие из них не трогали десятилетиями, а может, и веками. Хедрон долго перебирал их, его пальцы порхали над корешками, пока он не извлёк один — потемневший от времени свиток, перевязанный выцветшей шелковой лентой цвета запекшейся крови.

Он вернулся и положил свиток перед Ареном.

— Посмотри. Не глазами картографа, а глазами человека.

Арен осторожно развязал ленту. Она рассыпалась в его пальцах, превращаясь в розовую пыль. Он развернул пергамент. На первый взгляд это была карта, но она вызывала странное чувство дезориентации. На ней не было привычного масштаба. Не было сетки координат. Не было золоченых картушей с именами монархов.

Линии на ней были бледными, почти неуловимыми, словно их наносили не чернилами, а легким прикосновением пальцев. Но самое странное — огромные участки пергамента оставались совершенно пустыми. И кожа на предплечьях Арена вдруг покрылась мурашками, как от сквозняка, хотя воздух в архиве не шевельнулся. Это была не та пустота, что

на незаконченных набросках. Это была пустота... активная. Звнящая.

— Это не карта, — тихо произнес Арен, чувствуя, как по спине пробежал холодок. — Это... заготовка. Набросок того, чего нет.

— Это дорога, — возразил Хедрон, и голос его стал твердым, как гранит. — Просто она ещё не произошла. Она ждет того, кто наполнит эти пустоты реальностью своего шага.

Арен нахмурился и наклонился ближе к пергаменту. В этот момент полуденный луч солнца наконец пробился сквозь узкое окно и коснулся карты. Арену на мгновение показалось — лишь на долю секунды, — что бледные линии на карте дрогнули и чуть сдвинулись, как жилки под кожей.

Он резко моргнул. Всё стало прежним. Старый, неподвижный пергамент. — Старость делает с моими глазами странные вещи, — пробормотал он, протирая веки. — Наверное, пыль...

— Старость делает странные вещи с памятью, — ответил Хедрон, присаживаясь на стул напротив. — Она заставляет забывать, что мир живой. А вот с дорогами она не делает ничего. Они либо есть, либо их нет. Эта — есть.

Наступила тишина. В ней слышалось, как за окном кричат птицы и шумит далекий город, но здесь, в архиве, воздух казался застывшим в янтаре.

— Откуда она? — спросил наконец Арен, не в силах отвести взгляд от пустых пятен на свитке.

— Оттуда, куда никто не дошёл, — ответил старик. — Или оттуда, откуда никто не захотел возвращаться назад. Её принес человек, у которого не было ни обуви, ни памяти. Только этот свиток, прижатый к груди.

Эти слова повисли в воздухе, тяжёлые и неоспоримые, как могильные плиты.

Арен снова посмотрел на карту — и что-то в его взгляде изменилось. Пустоты больше не читались как огрехи чертёжника. Он поймал себя на том, что разглядывает их так, как разглядывают приоткрытую дверь в чужой дом: с неловким, почти неприличным любопытством. Мир в тех краях просто ещё не обрёл твёрдость. Он ждал — не картографа. Свидетеля. Того, кто даст ему имя.

— И что с ней делать? — спросил Арэн. Его пальцы непроизвольно сжались. — Сдать в общий каталог? Запереть в секции "Курьезов"?

— Обычно такие карты хранят под замком, — сказал Хедрон. — Как напоминание о нашем бессилии. Как памятник тому, что мир всегда будет больше наших жалких записей.

Он сделал паузу, и Арэн почувствовал, как сердце пропустило удар.

— Но иногда... очень редко... их берут с собой.

Арен почувствовал, как внутри что-то сдвинулось — смесь леденящей тревоги и того острого, почти детского любопытства, которое тянет заглянуть в темный подвал, даже когда точно знаешь, что не стоит.

— Никто не возвращался? — спросил он севшим голосом.

— Возвращались, — ответил старик, и в его улыбке промелькнула печаль. — Но уже не теми, кем уходили. Тот, кто увидел край мира, уже не может жить в его середине.

За узким окном медленно гас свет. Пыль, танцующая в луче солнца, становилась всё гуще, постепенно превращаясь в золотистый туман, пока солнце не скрылось за крышами окончательно, погрузив архив в глубокий индиговый полумрак.

Арен аккуратно, почти благоговейно свернул карту. Его пальцы задержались на шероховатом крае пергамента. Он ждал, что свиток снова шевельнется, заговорит или просто исчезнет.

— Ты ведь знаешь, Арен, — тихо сказал Хедрон, поднимаясь, чтобы уйти. — Самые опасные дороги проходят не по земле. Они проходят по самой сути того, во что мы верим.

Арен ничего не ответил. Его мысли были далеко отсюда. Он встал, медленно сложил свои инструменты — перья, циркули, ножи — в кожаный футляр. Он долго стоял, глядя на закрытые двери архива, которые раньше казались ему надежной защитой от хаоса внешнего мира.

Теперь они казались ему воротами темницы.

Ночь опустилась быстро и бесшумно, как хищная птица. Когда Арен вышел наружу, город уже погрузился в тревожное безмолвие, прерываемое лишь отдаленным лаем собак и скрипом флюгеров. Он задержался на пороге архива, глу-

боко вдохнул холодный ночной воздух, пахнувший дымом и свободой.

Он крепче прижал к себе футляр с инструментами и сверток с картой, спрятанный под плащом.

И, не оглядываясь на здание, где он оставил свою прежнюю жизнь, он сделал первый шаг.

В дорогу, которая ещё не произошла.

ГЛАВА II

Дорога, которой не было: Искусство исчезновения

Утро встретило Арена прохладой, почти стерильной, и тонким, прозрачным светом, еще не набравшим золотой плотности настоящего дня. Город просыпался неохотно, потягиваясь скрипом тяжелых оконных ставней и гулким эхом первых шагов по мостовой. Редкие прохожие — тени в серых плащах — торопливо шли по своим делам, прижимая к груди корзины или кутаясь в поношенные камзолы. Из пекарни на углу, где Арен покупал булку последние десять лет, тянулся теплый, уютный запах свежего хлеба и жженого сахара.

Всё было привычно. Слишком привычно. Этот уют внезапно показался Арену липким, почти удушающим. Город, со всеми его запахами, звуками и распорядком, словно пытался удержать его внутри знакомого круга, убаюкать, убедить, что никакого свитка под плащом не существует, что всё это — лишь морок бессонной ночи.

Арен шёл молча, не спеша, будто обычный горожанин, вышедший на прогулку. Он знал эти улицы с самого детства:

знал, где камень мостовой треснул после особенно суровой зимы три года назад, знал, какой колодец в третьем квартале даёт самую холодную, сводящую зубы воду, знал, на каком выступе ратуши на рассвете всегда собираются жирные, ленивые голуби.

Никогда прежде он не замечал, как сильно город держит человека за память. Каждое здание было привязано к воспоминанию, каждая вывеска — к знакомому имени. Уйти отсюда означало не просто сменить местоположение, а буквально вырвать себя из плоти этого мира.

Он остановился у главных ворот. Массивные створки, окованные железом, уже были распахнуты. За ними начиналась дорога — обычный торговый тракт. Широкий, утоптаный миллионами ног и колес, он выглядел надежным и понятным. Эта дорога вела к соседним поселениям, к шумным портам, к миру, который был описан, измерен, нанесен на карты и перепроверен сотни раз. Это была дорога Порядка.

Арен оглянулся на городские башни, в последний раз вдыхая запах пекарни, и достал из-под плаща сверток. Развернув пергамент, он почувствовал, как пальцы слегка онемели.

Линия на карте — та самая бледная, едва уловимая нить — уходила совсем в другую сторону. Она игнорировала тракт. Она вела в пустоши, на северо-запад, туда, где не было ни деревень, ни постоянных дворов, ни даже названия на официальных картах архива. Там начиналась «ничья земля» — пространство, которое считалось бесполезным, потому что

не приносило налогов и не имело истории.

Он бережно сложил карту, пряча её во внутренний карман, поближе к сердцу. — Глупость, — тихо сказал он сам себе, и его голос показался ему сухим и чужим. — Абсолютная, чистокровная глупость.

Но его ноги уже сделали шаг. Не к тракту. В сторону.

Он сошёл с наезженной колеи почти незаметно — просто свернул там, где дикая трава была чуть выше, а сухая земля выглядела менее утоптанной. Несколько минут он ещё слышал за спиной привычные звуки: скрип колес тяжело нагруженной повозки, окрики возчиков, отдаленный звон рыночного колокола. Эти звуки были якорями. А потом... нить натянулась и лопнула. Звуки растворились, поглощенные равнодушным пространством.

Тишина пришла не сразу. Сначала она была обычной — просто отсутствие человеческих голосов, привычный шум ветра в кустах. Но чем глубже Арен уходил в пустошь, тем отчётливее он слышал собственное дыхание — слишком громкое, слишком частое для простой прогулки. Он поймал себя на том, что прислушивается к звуку своих шагов с каким-то болезненным вниманием, словно проверяя: действительно ли он всё ещё идёт по твердой земле, а не проваливается внутрь собственной мысли?

Он остановился у одинокого, согнутого ветром дерева и снова развернул карту.

Линия была на месте. Более того — Арену показалось, что

она стала чуть ярче, обретя отчетливый серебристый оттенок. Словно пергамент, почувствовав его движение, признал его присутствие и начал вести диалог.

— Это просто игра света, — сказал он вслух, хотя вокруг не было никого, кто мог бы оспорить или подтвердить его слова. — Обычная реакция старых чернил на открытый воздух.

Он пошёл дальше, стараясь не смотреть по сторонам слишком часто. Пейзаж постепенно терял свои человеческие черты. Сначала исчезли поля — те самые ровные, аккуратные лоскуты земли, разделённые межами и заботами крестьян. Потом пропали ограды. Земля под ногами стала неровной, поросшей жесткой, седой травой и колючим кустарником, который цеплялся за плащ, словно пытаюсь спросить: «Куда ты?». Вдалеке темнели холмы, похожие на складки на гигантском пыльном покрывале, куда человеческий глаз заглядывал не чаще, чем раз в столетие.

Арен почувствовал, как внутри него поднимается странное, сосущее ощущение. Это не был страх — не в привычном понимании. Скорее это была пустота. Вся его прошлая жизнь была выстроена на ориентирах: работа в архиве началась с колоколом, обед — с тенью от окна, вечер — с зажженной свечой. У него всегда была цель, расстояние и срок прибытия.

Сейчас у него не было ничего, кроме направления. Он поймал себя на мысли, что впервые за тридцать лет своей

жизни он абсолютно, пугающе не знает, что он будет делать вечером. Где он будет спать? Что он будет видеть? Эта мысль была тревожной, как открытая рана, но в то же время странно, почти порочно освобождающей.

Около полудня он встретил человека. Это был старый крестьянин, ведущий понурого осла, нагруженного мешками с чем-то тяжелым. Человек остановился и с нескрываемым удивлением посмотрел на Арена — на его чистую одежду картографа и футляр с инструментами, которые смотрелись здесь так же нелепо, как парусник посреди пустыни.

— Ты заблудился, парень? — спросил он, вытирая пот со лба. Голос его был скрипучим, как несмазанная телега.

— Нет, — ответил Арен, хотя в этот момент он был уверен в этом меньше всего на свете.

— Там ничего нет, — сказал крестьянин, кивая головой в сторону холмов, куда вела невидимая линия карты. — Ни деревень, ни дорог, ни даже паршивого колодца. Только пустая земля и камни, которые помнят то, чего помнить не следует.

Арен медленно кивнул, чувствуя, как слова старика находят отклик в его душе. — Значит, мне именно туда.

Человек посмотрел на него долгим, тяжелым взглядом. В его глазах читалось то ли сочувствие к безумцу, то ли тайный страх. Он хотел что-то добавить, возможно, предостеречь или спросить имя, но передумал. Пожал плечами, хлестнул осла и пошёл своей дорогой — назад, к городу, к хлебу, к стенам.

Арен долго смотрел ему вслед, пока фигура крестьянина не превратилась в точку на горизонте. «Там ничего нет». Эти слова эхом отдавались в его мозгу. Это было слишком знакомо. Именно так в архиве говорили о пустых местах на картах. О «белых пятнах». Но Хедрон был прав: пустота — это не отсутствие мира. Это отсутствие нашего согласия признать этот мир.

Он снова взглянул на пергамент. Серебристая линия уверенно уходила вдаль, за первый хребет холмов. Он сделал шаг. Потом еще один.

Солнце поднялось в зенит, и свет стал теплее, почти обжигающим. Трава под ногами тихо шуршала, как сухой пергамент. Где-то высоко в небе крикнула одинокая птица, но звук был странным — он не разлетелся эхом, а мгновенно растворился в воздухе, словно небо здесь было плотнее и жаднее до звуков.

Арен остановился и замер. Он вдруг осознал, что слышит только самого себя. Собственное прерывистое дыхание. Собственные шаги по сухой почве. Собственный пульс, гулко стучащий в висках.

Мир вокруг словно сделал шаг назад, вежливо отступив и позволяя Арену остаться наедине с Дорогой. Исчезло ощущение, что за ним наблюдают из окон города. Исчезло давление прошлого. Осталась только бесконечная плоскость настоящего.

И в этой оглушительной тишине впервые возникла мысль,

от которой он больше не мог (и не хотел) отмахиваться: *А что, если эта карта не просто вела к цели? Что, если она действительно ждала именно моего шага, чтобы начать существовать?*

Он не стал отвечать себе. Ответы были там, впереди, за складками холмов. Он просто пошёл дальше. Плечи его расправились, а взгляд стал острее. И Дорога, которой никогда не было в реестрах города, тихо и покорно приняла его в свои объятия.

ГЛАВА III

Перевозчик через высохшую реку: География смыслов

К полудню земля вокруг Арена окончательно сбросила с себя остатки привычного облика. Она стала светлее, почти белесой, будто беспощадное солнце выжгло из неё саму память о дождях и весенней влаге. Трава, которая еще утром цеплялась за сапоги, редела, уступая место мелкой, едкой пыли. Ветер, бродящий по этим пустотам, поднимал её, рисуя в неподвижном воздухе бледные, дрожащие спирали. Они были странно похожи на те самые линии, которые Арен привык видеть на старых пергаментях в архиве — такие же неуловимые и полные скрытого значения.

Он шёл уже несколько часов, и мир вокруг него постепенно лишался всех признаков человеческого присутствия. Здесь не было ни глубоких колей от тяжелых повозок, ни остатков старых изгородей, ни даже тонкого столбика дыма над далекой крышей. Пространство было открытым, нагим и пугающе молчаливым. Оно словно затаило дыхание, ожидая того единственного безумца, который осмелится дать ему имя или хотя бы просто признать его существование своим

присутствием.

Когда Арен впервые увидел русло, оно показалось ему обычной впадиной, длинным шрамом на лице земли. Но чем ближе он подходил, тем отчетливее проступала истина: когда-то здесь текла великая Река. Она была широкой, судя по крутизне берегов, с плавными, величественными изгибами, которые веками отполировывала вода. Камни на дне — гладкие, серые валуны и мелкая галька — лежали так естественно, словно вода ушла отсюда всего лишь мгновение назад. Пыль уже начала медленно стирать её след, но в воздухе всё еще витал призрачный аромат свежести, который невозможно было спутать ни с чем.

Арен замер на краю обрыва. Посреди этого сухого, мертвого русла, на островке серого песка, стояла лодка.

Она выглядела совершенно нелепо и в то же время пугающе правильно. Тёмное, мореное дерево, потертые борта, хранящие следы ударов о невидимые причалы. Верёвка, толстая и грубая, была аккуратно обмотана вокруг глубоко вбитого в землю деревянного колышка. Рядом с лодкой, опершись на длинный шест, стоял человек.

Он был невысоким, сутулым, одетым в выцветший плащ неопределенного цвета, который казался сотканным из той же пыли, что лежала вокруг. Его лицо, изборожденное глубокими морщинами, напоминало растрескавшуюся от зноя глину. Глаза его были удивительно спокойными — тем спокойствием, какое бывает у людей, повидавших больше, чем

стоит видеть за одну жизнь.

Арен медленно спустился по склону, чувствуя, как пыль мягко, почти ласково оседает на его сапогах. — Река ушла, — сказал он, скорее констатируя факт самому себе, чем обращаясь к незнакомцу. Голос его прозвучал глухо в этой пустоте.

— Ушла, — эхом отозвался человек, не меняя позы. Голос его был сухим, как шелест камыша. — Но переправа осталась. Она не зависит от воды, парень. Она зависит от необходимости.

Он говорил так, будто это было самым естественным законом мироздания, более незыблемым, чем смена дня и ночи.

Арен подошел вплотную, глядя на пустую лодку. — Куда ты переправляешь людей? — спросил он, глядя на противоположный берег, который находился всего в тридцати шагах.

— На другой берег, — просто ответил перевозчик. Он кивнул вперёд. Там, за руслом, земля поднималась в такой же плавный, покрытый седой травой склон.

Арен невольно усмехнулся. — Но это тот же самый берег. Та же земля, те же камни. Я могу просто перешагнуть через это русло и оказаться там через полминуты.

Перевозчик посмотрел на него с легкой, почти отеческой улыбкой, в которой не было ни капли насмешки — только бесконечное, вековое терпение. — Так говорят те, кто ещё не переправлялся. Физика пути обманчива, картограф. Ты можешь перейти дно ногами, но ты останешься на этом бе-

регу. Чтобы попасть *туда*, нужна Лодка.

Он сделал приглашающий жест в сторону судна. — Плата вперёд. Таков уговор.

Арен замялся. Ситуация граничила с абсурдом, который он, как человек сугубо рациональный, привык отвергать. Платить за переправу через сухую канаву в деревянной посудине означало признать, что символический акт важнее реальности. Но глядя в глаза старика, он понял: если он сейчас просто перейдет русло пешком, его путь закончится здесь. Его Карта останется мертвой.

Он достал из кошелька несколько медных монет и протянул их перевозчику. Тот принял их с такой серьезностью и почтением, как если бы за бортом действительно ревел яростный поток, готовый в любой миг унести лодку в бездну.

Они вошли в лодку. Дерево под ногами Арена тихо, тоскливо скрипнуло, будто старая древесина действительно вспомнила забытую тяжесть воды. Перевозчик уперся шестом в сухую землю и толкнул.

И тогда случилось нечто, что Арен не смог бы объяснить ни одним законом картографии. Лодка двинулась. Она не заскрежетала по песку, не застряла — она плавно скользнула вперед, и Арен ощутил то самое характерное покачивание, которое бывает только на воде.

Он посмотрел вниз, за борт. Там была сухая пыль и серые камни. Но движение ощущалось абсолютно настоящим. Более того, воздух вокруг них внезапно изменился. Он стал

прохладнее, влажнее, и на мгновение Арену показалось, что он слышит за спиной шорох течения — далёкий, приглушенный, почти забытый звук живой реки.

— Люди часто переправляются? — спросил он, инстинктивно хватаясь за край борта, словно под ними действительно скрывалась глубина.

— Реже, чем раньше, — ответил перевозчик, мерно работая шестом. — Мир стал плоским. Люди разучились видеть глубину в отсутствии видимых признаков. Но всегда находятся те, кому нужно попасть туда, куда нельзя дойти простым шагом.

— И куда же это ведет? — Арен смотрел, как медленно приближается склон, который теперь казался ему не просто холмом, а границей иного мира.

Перевозчик посмотрел на него внимательнее, и в его глазах Арен увидел отражение пустых мест своей карты. — Иногда — просто на другой берег. А иногда — в совершенно другое понимание того, что такое берег. Выбор всегда за путником.

Лодка мягко, без толчка, коснулась противоположного склона. Арен ступил на землю и замер. Ноги ощутили странную перемену: почва казалась плотнее, надежнее, словно он действительно пересек невидимую границу между реальностью и смыслом.

Он обернулся. Русло за его спиной выглядело таким же пустым и выжженным, как и раньше. Но лодка и стоящий в

ней перевозчик казались теперь частью какого-то бесконечно более древнего порядка вещей. Они не были предметами — они были ритуалом, без которого мир рассыпался бы на бессвязные куски.

— Зачем ты остаёшься здесь, старик? Реки ведь больше нет. Вода ушла тысячи лет назад, — спросил Арен, чувствуя странную грусть.

Перевозчик пожал плечами, и его плащ всколыхнулся, как пыльное облако. — Вода — это всего лишь форма. Она уходит и приходит. Но Пути — пути остаются вечно. Людям всегда нужно что-то, что переведёт их через их собственный страх перед пустотой.

Он сделал паузу и добавил, глядя Арену прямо в душу: — Река — это просто имя для перемены. Если ты готов измениться, тебе не нужна вода, чтобы плыть.

Арен медленно, дрожащими пальцами достал карту. На пергаменте, прямо на его глазах, проступила новая линия. Она была четкой, уверенной и серебристой. Она начиналась в той точке, где он стоял пять минут назад, смело пересекала мертвое пространство русла и уходила дальше, вглубь неизведанных земель.

Внутри него что-то отозвалось — тихий, гармоничный звук, похожий на звон далекой струны. До этого момента Карта была для него загадкой, тайным грузом, который он нес. Теперь она стала Ответом.

Арен свернул пергамент и посмотрел на перевозчика. —

Что там, на той стороне холма? — спросил он, кивнув на склон.

— То же самое, что и на этой, — ответил старик, возвращаясь к своему вечному ожиданию. — Только ты сам уже другой. А значит, и мир вокруг тебя будет другим.

Эти слова легли в сознание Арена тяжело, как камни, брошенные в глубокий колодец. Он кивнул, признавая мудрость этой тишины, и начал подъем.

Когда он поднялся на гребень склона и оглянулся назад, лодка стояла неподвижно, почти сливаясь с серым песком русла. Перевозчик смотрел вдаль, ожидая следующего путника, которого еще не было на горизонте.

Ветер шевельнул высокую сухую траву у ног Арена. Он развернул карту еще раз. Линия уходила вглубь мира, который физически не существовал, пока Арен не решался сделать в него шаг.

Он понял вдруг самую важную вещь: Карта не ведет его за руку. Она следует за ним, закрепляя его существование в пустоте. Путь — это не то, что нужно пройти. Путь — это то, что нужно создать каждым ударом сердца и каждым шагом.

Арен сделал шаг вперед, в неизвестность. Земля под ногами отозвалась глухим, надежным звуком — так отзывается дверь, которую наконец толкнули с нужной стороны.

ГЛАВА IV

Холмы исчезающих звуков: Хранительница эха

К вечеру ландшафт изменился, приобретая обманчивую мягкость. Холмы теперь поднимались длинными, пологими волнами, напоминая застывшее в момент великого шторма море. Их склоны кутались в саван выцветшей, почти седой травы, которая при каждом порыве ветра выпускала едва слышный шелест — сухой, призрачный шепот, похожий на разговор людей, давно забывших свой язык.

Но чем глубже Арен уходил в складки этого замершего моря, тем реже становился этот шепот. Мир вокруг него стремительно терял свои акустические краски.

Сначала исчезли птицы. Еще час назад их далекие, тревожные крики вонзались в небо, но теперь небесный свод стал глухим, словно его выложили изнутри толстым слоем войлока. Потом смолкли насекомые. Пропал привычный стрекот цикад, который Арен всегда считал естественным фоном жизни. Затем случилось самое пугающее: звук его собственных шагов стал приглушенным, ватыным. Казалось, земля под его ногами утратила твердость и больше не хотела

отзываться на прикосновение подошв, словно она активно пыталась забыть о его присутствии.

Арен остановился.

Тишина в этих холмах была не просто отсутствием шума. Она давила — так давит воздух перед грозой, которая всё не начинается. Арен прислушался к собственному дыханию. Оно звучало неестественно громко, как хрип кузнечных мехов в пустом соборе. Его сердце билось тяжело, гулко, отдаваясь в ушах ударами огромного маятника.

И в этот момент, когда тишина достигла своего апогея, он услышал Звук.

Это был легкий, кристально чистый звон. Тонкий и хрупкий, как если бы крошечная стеклянная бусина коснулась холодного камня. Звук этот не растворился в тишине, а прорезал её, оставив в воздухе вибрирующий след.

Арен медленно обернулся, боясь спугнуть это внезапное проявление жизни. На склоне соседнего холма, среди колышущейся седой травы, сидела девочка. На вид ей было не больше десяти лет. Она была одета в поношенный, грубый плащ, который был ей явно велик и делал её похожей на маленькую странную птицу, присевшую отдохнуть. Перед ней на голой земле лежал раскрытый холщовый мешочек, а вокруг были разложены удивительные вещи: обломки перламутровых ракушек, кусочки ржавого металла, идеально гладкие речные камешки и тонкие деревянные пластинки.

Девочка действовала сосредоточенно и методично. Она поднимала один предмет за другим, легонько ударяла ими друг о друга или проводила пальцем по их краям, внимательно вслушиваясь в возникающий резонанс, будто проверяя качество их голосов.

— Ты собираешь камни? — спросил Арен, осторожно подходя ближе. Его голос прозвучал странно — плоско и коротко, будто тишина мгновенно сожрала все обертона.

Девочка подняла голову. Её глаза были прозрачными и глубокими, как лесные озера. Она покачала головой, не прерывая своего занятия. — Нет. Камни — это просто сосуды. Я собираю звуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.